

Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе

Ольга А. Козырева

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский государственный медицинский университет,
Екатеринбург, Россия, olgakozyreva@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу аргумента антисветимости, предложенного Т. Уильямсоном. Этот аргумент может пониматься как опровержение картезианской концепции знания о себе, где утверждается тезис о привилегированном доступе агента ко всем его ментальным состояниям. Помимо формулировки самого аргумента рассматриваются три вариации возражения одной из его посылок, обосновывающейся принципом надежности знания: во-первых, структура аргумента воспроизводит структуру парадокса кучи, во-вторых, в аргументе не учитывается наличие конститутивной связи между нахождением агента в ментальном состоянии и его знанием об этом, и, в-третьих, само обоснование принципа надежности знания не является достаточным для его принятия. Делается вывод о том, что аргумент антисветимости ставит под вопрос специфику содержания понятия знания о себе в картезианстве.

Ключевые слова: антисветимость, Уильямсон, знание, убеждение, знание о себе, ментальное состояние

Для цитирования: Козырева О.А. Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 60–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-60-72

Timothy Williamson's anti-luminosity argument and the problem of self-knowledge

Olga A. Kozyreva

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Ural State Medical University,
Ekaterinburg, Russia, olgakozyreva@mail.ru*

Abstract. The paper aims to analyze Timothy Williamson's anti-luminosity argument. The argument might be considered as a way to criticize the Cartesian account of self-knowledge, which is based on the thesis of the privileged access agent has to her mental states. First, I present the argument itself as well as the three versions of the main objection to one of the premises. The objection is motivated by the reliability constraint on knowledge: a) the anti-luminosity argument is a sorites argument; b) the anti-luminosity argument neglects the constitutive connection between being in a mental state and knowing about being in it; c) the reliability principle itself is not well motivated. Second, I argue that the reliability principle helps the anti-luminosity argument to question the very concept of self-knowledge in Cartesianism.

Keywords: anti-luminosity, Williamson, knowledge, belief, self-knowledge, mental state

For citation: Kozyreva, O.A. (2021), "Timothy Williamson's anti-luminosity argument and the problem of self-knowledge", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 60–72, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-60-72

Практически ни одна статья о знании о себе в аналитической философии не обходится без упоминания картезианского представления о том, как агент приобретает такое знание. Согласно этому представлению, у агента имеется знание о своих ментальных состояниях (далее – МС) благодаря способности к интроспекции, которая понимается по аналогии с моделью восприятия обыденных объектов [Shoemaker 1996], где агент воспринимает свои МС так же, как он воспринимает объекты окружающего мира. Если последние он воспринимает при помощи органов чувств (в первую очередь, зрения), то объекты своего внутреннего мира – МС – он воспринимает при помощи того, что метафорически именуют «внутренним взглядом». Однако агент не смог бы приобретать знание о своих МС, если бы те не обладали свойством прозрачности. Именно

благодаря этому свойству эпистемический доступ агента к его МС носит привилегированный характер, т. е. убеждения и высказывания агента о своих МС являются с необходимостью истинными и не подверженными ошибкам [Alston 1971].

Подобное понимание знания о себе часто подвергается критике в среде аналитических философов [Moran 2001; Evans 1982; Bag-Op 2004]. Один из содержательных способов опровергнуть картезианскую концепцию знания о себе предложил Т. Уильямсон. Его аргумент антисветимости направлен на преодоление идеи того, что у агента имеется привилегированный эпистемический доступ к своим МС. В настоящей статье будут представлены аргумент антисветимости и три выдвигаемых ему возражения. Также будет продемонстрировано, как имплицитное принятие Т. Уильямсоном определенных допущений приводит к тому, что аргумент антисветимости ставит под вопрос содержание самого понятия знания о себе.

Аргумент антисветимости

Основная мотивация Т. Уильямсона состояла в том, чтобы показать, что знание является МС наравне с такими классическими состояниями, как убеждение, желание, боль и т. д. Противоположная позиция, в рамках которой знанию отказывают в статусе МС, основывается на картезианском понимании сущностных свойств ментального. То есть МС – это такое состояние, к которому у агента всегда имеется непосредственный эпистемический доступ, иначе, оно является эпистемически прозрачным. Но, для того чтобы находиться в состоянии знания, агенту необходимо сначала находиться в состоянии убеждения, которое, как минимум, должно быть истинным и обоснованным. Именно требуемая истинность убеждения делает состояние знания эпистемически недоступным для агента, так как истинность зависит от условий окружающего мира, доступ к которому у агента, очевидно, ограничен.

Именно в контексте критики картезианского «мифа эпистемической прозрачности» Т. Уильямсон и развивает свой аргумент антисветимости. Вместо метафизически нагруженного понятия прозрачности Т. Уильямсон предлагает использовать эпистемически нагруженное понятие светимости¹ для описания

¹ О приписывании свойства светимости МС в картезианстве утверждал еще Г. Райл [Ryle 2009].

идеи того, что, если агент находится в МС, то он находится в состоянии знать о том, что он находится в этом состоянии. В картезианстве все МС являются светящимися, и тот свет, который они испускают, позволяет агенту приобрести знание о них (фактически «увидеть» свои МС). И если агент находится в МС, то он с необходимостью знает о том, что он в нем находится. Понимаемые таким образом МС формируют для агента его «когнитивный дом» [Williamson 2000, р. 93] – такую область мира, познание объектов которой проходит для агента в условиях «эпистемического комфорта», когда он застрахован от формирования ложных или случайно истинных убеждений. За пределами «когнитивного дома» находится внешний окружающий мир, в котором агенту приходится нести эпистемические риски при познании объектов этого мира.

Более формальное определение светимости включает в себя понятие «находиться в состоянии знать». Это понятие, как и понятие знания, представляет собой фактивную пропозициональную установку: если агент в состоянии знать, что p , то p истинно. С определенной долей условности можно рассматривать оба этих понятия как синонимы. Таким образом, состояние S определяется как светящееся, если и только если имеет место тезис \bar{L} : «(L) Для каждого случая α верно, что, если в α имеет место C , то субъект в состоянии знать о том, что C имеет место» [Williamson 2000, р. 95]. Аргумент антисветимости нацелен на доказательство того, что (L) ложно в отношении МС, и, как следствие, агент «когнитивно бездомен» [Williamson 2000, р. 94].

Т. Уильямсон предлагает представить следующую ситуацию: на рассвете агент ощущает, что ему холодно, затем постепенно согревается, и к полудню уже ощущает, что ему жарко. Если вслед за сторонниками картезианства мы принимаем истинность (L) в отношении МС, то мы должны утверждать, что МС агента – а именно ощущение холода – является светящимся и, значит, агент в состоянии знать, в каком МС он находится в каждый момент времени. На рассвете агент с уверенностью находится в состоянии знать, что ему холодно, в полдень он тоже с уверенностью находится в состоянии знать, что ему уже не холодно. В промежуток между рассветом и полуднем агент пытается определить, холодно ему в данный момент времени или нет. Однако постепенность процесса согревания коррелирует с тем, что в каждую миллисекунду агент не в состоянии знать о том, холодно ли ему еще, или уже теплее. Абсолютная уверенность относительно своего знания у него имеется только на рассвете и в полдень.

Пусть $t_0, t_1, t_2 \dots t_n$ – серия интервалов времени в одну миллсекунду, где t_0 – рассвет, а t_n – полдень; α_i – положение дел в момент времени t_i , где $0 \leq i \leq n$. Тогда рассуждение будет выглядеть следующим образом:

В α_0 агент ощущает, что ему холодно;

В α_n агент не ощущает, что ему холодно;

Если в α_i агент ощущает, что ему холодно, то в α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно;

В α_0 агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно; (MP 1,3)

Если в α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно, то в α_{i+1} агент ощущает, что ему холодно;

В α_1 агент ощущает, что ему холодно; (MP 4,5)

В α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно; (MP 3,6)

В α_2 агент ощущает, что ему холодно. (MP 5,7)

Если продолжить рассуждение для каждого последующего α_i , то в итоге мы вынуждены будем прийти к:

В α_n агент ощущает, что ему холодно.

Получив противоречие между (2) и (9), необходимо выяснить, какая из посылок является ложной. Под подозрение попадают (3) и (5): первая выражает (L), вторая – принцип надежности знания, согласно которому «нечто происходит надежно тогда и только тогда, когда нет опасности того, что это не произойдет» [Williamson 2000, p. 124]. Поскольку подход Т. Уильямсона к знанию близок релейабиллизму, истинность (5) не вызывает у него сомнений. Требование надежности связано с той уверенностью (confidence), с которой агент находится в состоянии знать о том, что ему холодно: если агент знает, что ему холодно, то он обоснованно уверен в том, что ему холодно, и эта уверенность покоится на принципе надежности. В противном случае если в t_i агент ощущал, что ему холодно, а в t_{i+1} этого не ощущает, то его уверенность в t_i не была надежно обоснована, что противоречит тому, что в t_i агент знал о том, что ему холодно.

Исходя из необходимости соблюдения принципа надежности знания Т. Уильямсон заключает, что ложной следует признать (3). Таким образом, *reductio ad absurdum* доказывает ложность (L) в отношении как минимум одного МС – ощущения холода. Далее Т. Уильямсон утверждает, что это заключение можно распространить на все МС, что эквивалентно тому, что ни одно МС не является светящимся.

Критика аргумента антисветимости

Основное возражение аргументу антисветимости связано с (5). Различные вариации этого возражения можно подразделить на три группы: а) аргумент представляет собой разновидность парадокса кучи; б) аргумент выпускает из вида наличие конститутивной связи между нахождением агента в МС и его знанием об этом; в) в аргументе не дается достаточного обоснования принятия принципа надежности знания.

В качестве иллюстрации первой вариации возражения показательна позиция В.-Х. Вонга [Wong 2008]. Его идея заключается в том, чтобы продемонстрировать, что истинность (5) – если агент знает, что ему холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1} – обосновывается на самом деле не принципом надежности знания, а фактом того, что согревание – это постепенный процесс, который не происходит мгновенно. Именно неверное обоснование Т. Уильямсоном истинности данной посылки (через принцип надежности знания) помешало ему увидеть, что структура аргумента антисветимости повторяет структуру парадокса кучи.

В.-Х. Вонг показывает, как можно вывести (5) из принципа фактичности знания (если агент знает, что ему холодно в α_i , то ему холодно в α_i) и эмпирического факта постепенности процесса согревания (если агенту холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1}). Однако этот эмпирический факт и превращает аргумент Т. Уильямсона в рассуждение в стиле парадокса кучи: посылка «если агенту холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1} » схожа с посылкой «если человек лыс, когда у него на голове i количество волос, то он лыс, когда на его голове $i+1$ количество волос».

Т. Уильямсон предвидел возникновение возражений подобного рода, но стратегия его защиты В.-Х. Вонга не устраивает. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы определить четкие границы применимости предиката «ощущать холод» (например, установить физиологическое состояние агента при помощи специальных приборов) и показать, что даже в таком случае рассуждение все равно сохраняет общезначимость. Фиксация границ предиката требуется потому, что рассуждения типа парадокса кучи возникают как раз из-за употребления неопределенных предикатов. Но Т. Уильямсон настаивает на том, что от этого хода (5) не перестанет быть истинной, так как она основывается не на неопределенности предиката «ощущать холод», а на эмпирическом факте ограниченности нашей способности к дифференциации ощущений: агент не может обнаружить различие

между своим состоянием в t_1 и своим состоянием в t_2 , т. е. на миллисекунду позднее.

Однако В.-Х. Вонг утверждает, что предикат «ощущать холод» всегда будет неопределенным предикатом: постепенность процесса согревания заключается в отсутствии границы между температурными состояниями тела. Если установить границы применимости предиката «ощущать холод», как предлагает Т. Уильямсон, то придется признать, что существуют два следующих друг за другом отдельных состояния, одно из которых – состояние ощущения холода, а другое – состояние отсутствия ощущения холода. Но наличие таких состояний противоречит эмпирическому факту постепенности процесса согревания, а значит, и (5).

Вторая вариация возражения – о том, что Т. Уильямсон не учитывает наличие конститутивного отношения между феноменальным опытом агента и его убеждением об этом опыте – носит картезианский характер. Сторонники наличия подобного отношения заявляют о том, что, по крайней мере, та часть МС, которая сопровождается сознательным опытом, всегда известна агенту. В частности, С. Беркер защищает тезис о светимости, указывая на наличие конститутивной связи между нахождением агента в МС и формированием убеждения агента о нахождении в нем [Berker 2008]. Именно отсутствие связи между феноменальным и когнитивным, по его мнению, движет Т. Уильямсоном, когда тот развивает свой аргумент антисветимости, так как только так можно обосновать принятие (5). Когда Т. Уильямсон утверждает, что (5) основывается на эмпирическом факте ограниченных эпистемических способностей агента, он фактически принимает принцип предела ошибки: «Если в случае a агент знает, что p , то в достаточно близком случае βp истинно» [Berker 2008, p. 5]. Однако, как считает С. Беркер, этот принцип несовместим с идеей конститутивной связи между феноменальным и когнитивным, а независимого обоснования истинности данного принципа и необходимости отказаться от конститутивистского тезиса Т. Уильямсон не предлагает.

Сторонники данного тезиса, напротив, могут защитить его через указание на феноменальные понятия – понятия, референтами которых являются свойства непосредственного, феноменального, опыта агента [Chalmers 2003]. Такой стратегии придерживается В. Барц, настаивая на том, что конститутивная связь между феноменальным и когнитивным обеспечивается за счет непосредственных феноменальных понятий [Barz 2017]. С одной стороны, эти понятия являются жесткими десигнаторами, так как они отсылают к непосредственному опыту агента. С другой стороны, они не являются контекстуально зависимыми, поскольку непосредственный

опыт вне зависимости от смены условий все равно будет одним и тем же. В. Барц сближает использование непосредственного феноменального понятия «ощущение холода» с использованием демонстратива «этот», указывающего на то самое ощущение холода, испытываемое агентом. Основное отличие между ними состоит в том, что

...в то время как демонстративы могут быть успешно использованы для указания на что-либо в отсутствие какой бы то ни было идеи о том, каково это что-либо, любое успешное использование непосредственных феноменальных понятий предполагает, по крайней мере, *какую-то* идею о том, каков этот объект, на которое данное понятие указывает» [Barz 2017, p. 11].

Другими словами, для непосредственного феноменального понятия необходимым является наличие соответствующего опыта у агента, и, следовательно, агент может использовать это понятие только тогда, когда он имеет этот опыт.

Третьей вариацией возражения (5) становится указание на то, что принцип надежности знания не является необходимым условием для наличия у агента знания. Так, Э. Брюкнер и М.О. Фиокко обращают внимание на то, что, с позиции Т. Уильямсона, для знания об ощущении холода у агента должна иметься уверенность в этом ощущении, и она должна иметь надежное основание [Brueckner, Fiocco 2002]. Тем не менее они считают, что постулирование связи между знанием, уверенностью и надежностью не обосновано. Отсутствие этой обоснованности они стремятся продемонстрировать, обращаясь к еще одной иллюстрации антисветимости МС, приводимой Т. Уильямсоном.

Он предлагает представить ситуацию, в которой N.N. знает, что Линкольн – президент США; но он еще не слышал новостей о том, что Линкольн был только что застрелен, и это значит, что с момента выстрела N.N. более не знает о том, что Линкольн – президент США (ведь знание возможно только в отношении к истинным пропозициям). Получается, что N.N. не в состоянии знать, что с его знанием что-то не так: этот вывод Т. Уильямсона призван проиллюстрировать его идею о том, что агент может знать, не зная о том, что он знает.

Э. Брюкнер и М.О. Фиокко предлагают проанализировать этот пример по аналогии с аргументом антисветимости. Пусть t – момент времени за миллисекунду до смерти Линкольна, а L – пропозиция «Линкольн – президент США». Тогда в t N.N. знает, что L , а в $t+1$ – нет. Рассуждение Т. Уильямсона относительно такой же ситуации

в случае с ощущением холода предполагает, что уверенность N.N. в t не имела надежного основания, раз в очень схожей ситуации в $t+1$ он уже не знает, что L . Но такое предположение должно быть ошибочным – в момент t N.N. действительно знал, что Линкольн – президент США. В результате Э. Брюкнер и М.О. Фиокко заявляют, что пока Т. Уильямсон не продемонстрирует ключевое отличие примера с агентом, ощущающим холод, от примера с N.N., аргумент антисветимости нельзя считать успешным: уверенность агента в обоих случаях оказывается ненадежно обоснованной.

Р. Нета и Г. Рорбах придерживаются той же линии критики и отмечают, что для обоснования (5) требуется принятие принципа безопасности знания: агент знает, что p , если и только если агент не может с легкостью ошибиться в том, что p [Neta and Rorhbaugh 2004]. Тривиальная интерпретация этого принципа предполагает, что истинность p определяет схожесть между случаем α и случаем β . Однако для аргумента антисветимости требуется нетривиальная интерпретация, в которой истинность p присутствует в случае α , но отсутствует в случае β , так как по условиям аргумента в $t+1$ агент не ощущает холод, хотя и с уверенностью убежден в том, что ощущает. Но именно эта интерпретация ошибочна: ей можно привести контрпримеры, в которых истинность p отличается в двух случаях, но ошибочная уверенность убеждения агента в одном из случаев не мешает ему приобрести знание в другом, чего, согласно нетривиальной интерпретации, сделать нельзя.

В итоге Р. Нета и Г. Рорбах утверждают, что принимать стоит только тривиальную интерпретацию принципа безопасности знания и только тогда, когда убеждения агентов формируются на основе адекватного эпистемического базиса, т. е. когда эти убеждения являются когнитивным достижением, а не результатом случайного эпистемического успеха, как при восприятии фальшивых амбаров у Э. Голдмана. Приобретение знания – это эпистемически рискованное занятие, в котором агент легко может потерпеть неудачу. Поэтому соблюдение принципа безопасности знания не может являться необходимым условием знания, а это, в свою очередь, приводит к тому, что (5) остается без обоснования.

Аргумент антисветимости и понятие знания о себе

Приведенные возражения аргументу антисветимости демонстрируют, что (L) по-прежнему выглядит привлекательным для многих философов, и они не готовы отказаться от картези-

анской идеи о том, что у агента имеется эпистемический доступ ко всем своим МС. Под вопрос можно поставить и правомерность следующего шага Т. Уильямсона, когда он распространяет заключение аргумента на вообще все МС, которые могут иметься у агента [Duncan 2016]. Если принимать традиционное в философии сознания разделение на феноменальные и интенциональные МС, то, по всей видимости, аргумент антисветимости может быть применен только к первым, в то время как для признания отсутствия светимости у вторых требуется дополнительное обоснование, которое Т. Уильямсон не представляет. Исходя из этого, можно предположить, что Т. Уильямсон имплицитно принимает допущение о том, что все МС обладают одинаковой природой, и никакого различия между феноменальным и интенциональным не существует. В контексте проблематики знания о себе это ведет к принятию допущения единообразия –

...требования того, чтобы удовлетворительная концепция нашего знания о себе обладала фундаментальным единством, объясняя все факты, имеющие «авторитет от первого лица», одним и тем же базовым способом [Boyle 2009, p. 141].

Следующим допущением, имплицитно принимаемым Т. Уильямсоном, является то, что знание о себе – это «когнитивное достижение»: агент знает о своих МС не благодаря тому, что он в них просто находится, а благодаря совершению определенных эпистемических действий, которые способствуют достижению знания [Srinivasan 2015]. Это допущение ставит знание о себе в один ряд со знанием объектов внешнего мира, так как последнее всегда является для агента «когнитивным достижением». В результате знание о себе теряет приписываемое ему свойство безосновности – свойство быть приобретаемым без использования каких-либо эпистемических средств (наблюдения или умозаключения). Вслед за этим у знания о себе, согласно подходу Т. Уильямсона, теряется и свойство непогрешимости или, иначе, свойство гарантированно обладать истинностью. Т. Уильямсон склоняется к выбору второй из двух схожих позиций: а) агент не всегда знает о своих МС, но если знает, то его знание обладает свойством непогрешимости, и б) агент не всегда знает о своих МС, но если знает, то его знание не обладает свойством непогрешимости. Связано это с тем, что он принимает принцип надежности знания (а также принцип безопасности знания), а это предполагает, как отмечалось ранее, что знание не может быть гарантированным эпистемическим успехом для агента.

Еще одним следствием принятия Т. Уильямсоном принципа надежности знания становится тот факт, что в картезианстве понятие знания о себе лишается его основной составляющей – знания. Если мы хотим, чтобы агент действительно знал о своих МС, а не просто имел истинное и обоснованное убеждение о них, то мы должны принимать, согласно Т. Уильямсону, принцип надежности знания. Но отношения агента с его МС таковы (и этот эмпирический факт ограниченности способностей к дифференциации МС изменить мы не в силах), что принять этот принцип нельзя. Конечно, можно попытаться возразить, что не существует необходимой связи между способностью агента к дифференциации своих МС и его особым эпистемическим доступом к ним [Vogel 2010]. Однако подобное возражение выглядит достаточно экстравагантным: в чем смысл знать, в каком МС ты находишься, если ты не можешь отличить его от других? Степень отличия МС, которая требуется агенту для обладания привилегированным эпистемическим доступом, в картезианстве слишком высока, чтобы она могла наличествовать хотя бы у одного реального представителя вида *Homo Sapiens*. Совместно с принципом надежности знания эта требуемая степень отличия приводит к тому, что классическое утверждение о том, что высказывания агента о его МС являются знанием, оказывается тоже слишком сильным: без соблюдения принципа надежности все, что имеется у агента относительно своих МС, это только убеждение, но никак не знание.

Таким образом, опровержение картезианского представления о знании о себе у Т. Уильямсона основывается на принятии принципа надежности знания, который, в свою очередь, базируется на имплицитно разделяемых Т. Уильямсоном допущении единообразия и допущении того, что знание является «когнитивным достижением». Следствием этих допущений становится указание на то, что в картезианстве убеждения агента о своих МС не могут в принципе приобрести статус знания, так как у агента отсутствуют требуемые для этого способности к разграничению данных состояний.

Литература

- Alston 1971 – Alston W. Varieties of Privileged Access // American Philosophical Quarterly. 1971. Vol. 8. № 3. P. 223–241.
- Bar-On 2004 – Bar-On D. Speaking My Mind. Expression and Self-knowledge. New York: Oxford University Press, 2004.
- Barz 2017 – Barz W. Luminosity Guaranteed // Pacific Philosophical Quarterly. 2017. Vol. 98. P. 1–17.

- Berker 2008 – *Berker S.* Luminosity Regained // *Philosophers' Imprint*. 2008. Vol. 8. № 2. P. 1–22.
- Boyle 2009 – *Boyle M.* Two Kinds of Self-knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2009. Vol. 78. № 1. P. 133–164.
- Brueckner, Fiocco 2002 – *Brueckner A., Fiocco M.O.* Williamson's Anti-Luminosity Argument // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2002. Vol. 110. № 3. P. 285–293.
- Chalmers 2003 – *Chalmers D.* The Content and Epistemology of Phenomenal Belief // *Consciousness: New Philosophical Perspectives* / Ed. by Q. Smith, A. Jokic. New York: Oxford University Press, 2003. P. 220–272.
- Duncan 2016 – *Duncan M.* What It's Like to Have a Cognitive Home // *European Journal of Philosophy*. 2016. Vol. 26. № 1. P. 66–81.
- Evans 1982 – *Evans G.* The Varieties of Reference. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Moran 2001 – *Moran R.* Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Neta, Rohrbaugh 2004 – *Neta R., Rohrbaugh G.* Luminosity and the Safety of Knowledge // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2004. Vol. 85. P. 396–406.
- Ryle 2009 – *Ryle G.* The Concept of Mind. Oxford: Routledge Press. 2009.
- Shoemaker 1996 – *Shoemaker S.* The First-Person Perspective and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Srinivasan 2015 – *Srinivasan A.* Are We Luminous? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2015. Vol. 90. № 2. P. 294–319.
- Vogel 2010 – *Vogel J.* Luminosity and Indiscriminability // *Philosophical Perspectives*. 2010. Vol. 24. P. 547–557.
- Williamson 2000 – *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Wong 2008 – *Wong W.-H.* What Williamson's Anti-Luminosity Argument Really Is? // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 89. P. 536–543.

References

- Alston, W. (1971), "Varieties of Privileged Access", *American Philosophical Quarterly*, vol. 8, no. 3, pp. 223–241.
- Bar-On, D. (2004), *Speaking My Mind. Expression and Self-knowledge*, Oxford University Press, New York, USA.
- Barz, W. (2017), "Luminosity Guaranteed", *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 98, pp. 1–17.
- Berker, S. (2008), "Luminosity Regained", *Philosophers' Imprint*, vol. 8, no. 2, pp. 1–22.
- Boyle, M. (2009), "Two Kinds of Self-knowledge", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 78, no. 1, pp. 133–164.

- Brueckner, A. and Fiocco, M.O. (2002), "Williamson's Anti-Luminosity Argument", *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 110, no. 3, pp. 285–293.
- Chalmers, D. (2003), "The Content and Epistemology of Phenomenal Belief", Smith, Q. and Jolic, A. (eds.), *Consciousness: New Philosophical Perspectives*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 220–272.
- Duncan, M. (2016), "What It's Like to Have a Cognitive Home", *European Journal of Philosophy*, vol. 26, no. 1, pp. 66–81.
- Evans, G. (1982), *The Varieties of Reference*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Moran, R. (2001), *Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Neta, R. and Rohrbaugh, G. (2004), "Luminosity and the Safety of Knowledge", *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 85, pp. 396–406.
- Ryle, G. (2009), *The Concept of Mind*, Routledge Press, Oxford, UK.
- Shoemaker, S. (1996), *The First-Person Perspective and Other Essays*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Srinivasan, A. (2015), "Are We Luminous?", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 90, no. 2, pp. 294–319.
- Vogel, J. (2010), "Luminosity and Indiscriminability", *Philosophical Perspectives*, vol. 24, pp. 547–57.
- Williamson, T. (2000), *Knowledge and Its Limits*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Wong, W.-H. (2008), "What Williamson's Anti-Luminosity Argument Really Is?", *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 89, pp. 536–543.

Информация об авторе

Ольга А. Козырева, кандидат философских наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19;

Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; olgakozyreva@mail.ru

Information about the author

Olga A. Kozyreva, Cand. of Sci. (Philosophy), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Street, Ekaterinburg, Russia, 620002;

Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia; bld. 3, Repina Street, Ekaterinburg, Russia, 620028; olgakozyreva@mail.ru